кается со временем эпопеи.

В заключении подводятся итоги исследования и намечаются перспективы. Творчество Альбова осмысливается в контексте мировой культуры XX столетия, ибо в его поздних произведениях обнаруживаются точки соприкосновения с западно-европейской литературой модернизма.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. А.Волынский в русском литературном процессе 1890-х годов // Русская литературы 1870-1890 гг. – Свердловск: Урал.ун-т, 1983.– Вып. 16: Проблемы характера.– С.127-141.

2. Проблема двойничества в творчестве М.Н.Альбова // Русская литературы 1870-1890 гг. – Свердловск: Урал.ун-т, 1987. – Вып. 19: Эстетика и метод. – С.117-131.

3. Проблема гамлетизма в творчестве М.Н.Альбова 1880-х годов / Урал.ун-т.– Свердловск, 1987.– 30 с. – Деп. в ИНИОН 02.08.1987. № 31058.

4. Модификация одного литературного типа в творчестве М.Н.Альбова// Модификации художественных систем: Межвуз.сб. науч.ст. – Свердловск: Урал.ун-т – в печати.

Созина

Подписано к печати 03.11.87. Формат 60 x 84 1/16.
Бумага для множительных аппаратов. Печать плоская.
Объем 1,0 уч.-изд.л. Тираж 100 экз. Заказ № 915 Бесплатно.
Уральский университет. 620083. Свердловск, К-83,пр.Ленина, 51.

Типолаборатория УрГУ. 620083. Свердловск, К-83, пр.Ленина, 51.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А.М.ГОРЬКОГО

На правах рукописи

СОЗИНА ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА

УДК 8РІ.32
С 585

ТВОРЧЕСТВО М.Н.АЛЬБОВА В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ

Специальность 10.01.01 – русская литература

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Свердловск – 1987

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы Уральского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета имени А.М.Горького

Научный руководитель — доктор филологических наук И.А.Дергачев

Официальные оппоненты — доктор филологических наук А.Б.Муратов

кандидат филологических наук Е.Я.Поддубная

Ведущее учреждение — Вологодский государственный педагогический институт

Защита состоится "15" декабря 1987 г. в 15 часов на заседании специализированного совета Д 063.78.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Уральском ордена Трудового Красного Знамени государственном университете имени А.М.Горького (620083, г.Свердловск, К-83, пр.Ленина, 51, комната 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского университета.

Автореферат разослан "13" ноября 1987 г.

Ученый секретарь специализированного совета, доктор филологических наук, профессор А.С.Субботин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Изучение творчества второстепенных писателей сегодня признано бесспорно важным для полноты и точности исследования закономерностей историко-литературного процесса прошлых лет. Из незаслуженного забвения извлекаются имена многих художников, недавно казавшихся несущественными, эпизодическими явлениями в истории литературы, а теперь обретающих свое место в нашем понимании непрерывного процесса развития искусства прошлого и настоящего. Издаются и переиздаются произведения не знакомых прежде широкому кругу читателей авторов, что свидетельствует о возрастающей культуре читателя-современника, проявляющего интерес ко второму и третьему ряду литературы.

В последние годы появилось немало работ, направленных на осмысление роли и значения творчества второстепенных писателей по отношению к различным аспектам реалистической системы литературы второй половины XIX века: идейно-тематическому, жанрово-стилевому. Во всей неоднозначности и сложности проблематики творческих исканий больших и малых художников предстает перед нами искусство конца XIX – начала XX века – один из самых противоречивых периодов в истории отечественной культуры.

В этом плане особенно актуально и перспективно изучение творчества так называемых "восьмидесятников" – тех, кого долгое время признавали лишь аморфной массой писателей "сумрачного" десятилетия. Исследование преобразований метода критического реализма в их наследии способствует преодолению наукой последствий пресловутой теории "кризиса реализма", проясняет диалектику формирования и развития новых принципов искусства XX века. Творчество художников 80-х годов составляло как бы фон для последующих более ярких и заметных "скачков" в области художественного метода Чехова, Горького, Бунина, Андреева и других. Генерация свойств "синтетического реализма" изнутри, а не из иных творческих систем и методов позволила ему успешно противостоять в начале XX века течениям модернизма и декаданса.

Изучение творчества М.Н.Альбова здесь особенно плодотворно. Художественным достижением Альбова еще современники считали заслугу "предтечи" (А.В.Амфитеатров). Для многих он имел "свой собственный голос" (Н.С.Лесков), не сливающийся с голосами других

писателей, но вписывающийся в общую картину разноречивых мнений эпохи. Неоднозначные, а порой и прямо противоположные отзывы о характере творчества Альбова оставили Н.К.Михайловский, С.А.Венгеров, А.М.Скабичевский, К.И.Чуковский.

О М.Н.Альбове есть диссертационная работа Л.Н.Корчагиной "Романическая трилогия М.Н.Альбова "День да ночь" (1887-1903 гг.) и общественно-литературное движение конца XIX- начала XX века" (1985). Однако произведения писателя даже в указанных временных границах получили далеко не полную разработку в ее исследовании; не со всеми выводами Л.Н.Корчагиной можно согласиться.

Необходимо более целостное осмысление творчества Альбова как закономерного этапа в развитии реализма при сохранении сложности и неповторимости его творческой индивидуальности. Это возможно только на пути последовательного изучения писательской эволюции Альбова в богатстве и многообразии его связей с литературным процессом, с самыми разными художниками как русской, так и мировой культуры. Никем не затронут вопрос о литературных истоках писателя; остается неясной картина формирования его мировоззрения в 1870-е годы, степень причастности к идейному движению народничества, определявшего общественно-литературные позиции многих художников. Нуждается в разрешении давняя проблема "Альбов и Достоевский", волновавшая еще критику 80-90-х годов, но до сих пор не получившая верного истолкования.

Своеобразие творчества Альбова было во многом связано со спецификой его читательской аудитории, анализ которой позволяет выявить характерные тенденции не только в развитии литературы 80-х годов, но и в динамике взаимодействия процессов производства и восприятия эстетических ценностей в конце XIX века.

Требуется дальнейшая разработка проблемы взаимосвязи творчества Альбова и Чехова, поставленной Л.Н.Корчагиной: "синтез серенькой действительности" (А.В.Амфитеатров), осуществленный А.П.Чеховым, со своей стороны, другими путями производил и Альбов. Это помогает лучше понять внутреннюю обусловленность достижений чеховской прозы.

Актуально изучение творческого метода Альбова, чаще всего определяемого исследователями как некий "симбиоз" реалистических и натуралистических черт искусства (З.И.Каминский, Л.П.Корчагина). Оно существенно и для решения проблемы "русского натурализма", до сих пор не получившего в науке концепционного, законченного осмысления. Необходимо более четкое представление о месте трилогии Альбова "День да ночь" в контексте изменений романного мышления художников конца XIX- начала XX века, разрушения старых жанровых форм и их модификаций в литературе рубежа веков.

Цель работы - воссоздать полную и четкую картину развития творчества М.Н.Альбова как весьма показательного звена в историко-литературном процессе России второй половины XIX- начала XX века. Отсюда вытекает ряд конкретных задач:

- выявить истоки творчества писателя 1860-х годов в ряду литературных явлений и газетной фельетонистики того времени;
- установить мировоззренческую основу взглядов Альбова, отразившуюся в его творчестве;
- в ходе анализа произведений Альбова 1870-1880 годов определить пункты связи его с творчеством Ф.М.Достоевского, В.М.Гаршина, И.С.Тургенева, А.П.Чехова;
- представить модель сознания читателя Альбова 80-х годов и выявить своеобразие его творчества во взаимодействии с "массовой" литературой восьмидесятников;
- обосновать развитие новых качеств критического реализма в творчестве писателя 80-90-х годов и установить взаимосвязь его с литературой последующих лет;
- представить свое решение творческого метода Альбова.

Научная новизна исследования. Впервые производится целостный анализ творчества М.Н.Альбова от его начала на газетных страницах 1860-х годов до предсмертных рукописей 1900-х. Рассматриваются неизученные периоды творчества - 60-е и 70-е годы, выявляется их роль в последующей эволюции таланта Альбова.

Анализ ранних произведений писателя позволяет говорить о тенденции литературного процесса, не упоминаемой обычно в трудах по истории литературы XIX века, но очевидной в его творчестве. Альбов пытается связать воедино бытовую жизнь человека с историей его духа, осветить и наполнить активно-духовным содержанием сам процесс жизнедеятельности людей. От "Пшеницыных" (1873) до трилогии "День да ночь" (1896-1903) в его творчестве формируются предпосылки тех явлений литературы начала XX века, которые чаще всего связывают с зарождением модернизма: стремление, минуя социальный параметр, возвести индивидуальное существование "маленького

человека" к основам бытия, выявить обусловленность каждой частной жизни не законами социума, но некими мировыми, вселенскими силами. В этой связи творчество Альбова впервые сопоставляется с произведениями русских модернистов и намечаются перспективы исследования типологического сходства его с западно-европейским искусством первой четверти XX века.

При рассмотрении творчества Альбова 70-х годов анализируется его мировоззрение; впервые устанавливается связь писателя с литературой "молодого поколения" семидесятников (В.М.Гаршин, А.О.Новодворский-Осипович, В.Г.Короленко). В контексте общественных настроений конца 70-х годов и близкого круга литературы получает свое решение проблема взаимодействия Альбова с творчеством Ф.М.Достоевского в повести "День итога".

Впервые ставится и анализируется проблема гамлетизма в повестях писателя 80-х годов, сопоставляемых с произведениями А.П.Чехова ("Иванов", "Огни", "Рассказ неизвестного человека").

Рассматривается своеобразие читательской аудитории Альбова 80-х годов и через сопоставление его творчества с К.С.Баранцевичем, И.И.Ясинским, И.Н.Потапенко решается вопрос о взаимосвязи Альбова с "массовой" литературой восьмидесятников.

Трилогия Альбова "День да ночь" впервые рассматривается в контексте формирования предпосылок создания нового типа романа XX века. Делается вывод о принадлежности творчества Альбова к критическому реализму, испытывающему потребность в преобразовании своих художественных принципов в вихреобразном потоке времени.

В приложении исследуется жизненный путь М.Н.Альбова, представление о котором до сих пор страдало неполнотой и эскизностью; на основании анализа архивных материалов и воспоминаний современников впервые отмечаются некоторые черты личностного склада Альбова, наложившие отпечаток на его творчество.

Методологической и теоретической основой работы является представление о модификациях метода критического реализма в творчестве писателей второй половины XIX- начала XX века, утвердившееся в литературоведении на основе разработки диалектико-материалистического подхода к анализу историко-литературного процесса. Метод работы - историко-литературный анализ в аспекте системно-типологического и историко-функционального подходов.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения,

трех глав, заключения и приложений (биография М.Н.Альбова,, список использованной литературы, указатель имен). Основная часть работы изложена на 196 страницах машинописного текста; библиография включает 709 наименований.

Теоретическая значимость и прикладная ценность работы. Исследование творчества М.Н.Альбова способствует ликвидации "пробелов" в изучении литературоведением "среднего" и "нижнего" потоков литературы "переходного времени", установлению преемственности в движении искусства. Анализ произведений писателя обогащает представление о путях эволюции критического реализма второй половины XIX- начала XX века, приближает к адекватному постижению сложного процесса развития русской культуры рубежной эпохи.

Результаты исследования могут быть использованы при чтении общих курсов по истории русской литературы XIX- начала XX веков, в спецкурсах и спецсеминарах по проблемам типологии русского реализма последней трети XIX века, по вопросам "массовой" литературы конца XIX века и проблемам русского историко-литературного процесса. На их основе могут быть разработаны факультативные курсы по изучению русской литературы в старших классах средней школы.

Апробация работы. Работа неоднократно обсуждалась на заседаниях кафедры русской и зарубежной литературы Уральского государственного университета, доложена на конференции молодых ученых, (Свердловск), 1987 г.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении раскрывается актуальность и новизна темы, определяются цели и задачи работы, уточняются позиции литературоведов, затрагивавших творчество Альбова, мотивируется отбор материала для подробного текстуального изучения.

В первой главе "М и р "у н и ж е н н ы х и о с к о р б л е н н ы х" в раннем творчестве М.Н.Альбова" рассматривается творчество писателя 1860-х годов, до сих пор не привлекавшее внимание литературоведов.

Первый параграф "Маленький человек" в произведениях писателя 1860-х годов" посвящен анализу литературных истоков творчества Альбова. Для сопоставления привлекается широкий материал беллетристических произведений, заполнявших "подвалы" мелких изданий петербургской прессы и в редуцированном, упрощенном виде сохранявших

жанрообразующие признаки русской "физиологии" 30-40-х годов, функционально актуальной и в годы 60-е. Ориентация Альбова на творчество писателей натуральной школы прослеживается в различных пластах его произведений; даже чисто номинативный план несет оценочную и содержательную нагрузку (два рассказа имеют название "Петербургские мизерабли").

Однако в творчестве юного писателя происходит расширение и обогащение традиций натуральной школы, выводящее рассказы за рамки газетной фельетонистики 60-х годов. Используя многие приемы физиологического очерка, сюжеты и типажи "повести о бедном чиновнике" (А.Г.Цейтлин), Альбов психологически разрабатывает и содержательно обновляет традиционную форму. Он отталкивается от одностороннего показа канонического "маленького героя" либо в сентиментальном, либо в анекдотическом освещении; понимая ограниченность подобного типа, он изображает возможность возникновения у него "подпольных" устремлений ("Записки подпольного жильца", первое печатное произведение Альбова, 1866).

Исходным пунктом творческого мышления писателя становится характер как индивидуальность, а двигателем психологического конфликта в рассказах - противоречие между чертами индивидуально-неповторимого и типически-заурядного в характере изображаемого персонажа. Эта особая, художественно-психологическая парадоксальность ранних произведений Альбова вначале строится с помощью внешних средств: в "Петербургских мизерабля" (1866) представление об индивидуальности героини создается с помощью именной цитации романа Ф.М.Достоевского "Преступление и наказание" (героиня Альбова носит фамилию Мармеладовой). Повседневная же типичность вытекает из сюжетно-фабульной ситуации рассказа, основанной на наблюдаемых самим автором фактах действительности. Но заурядно-типичное не отвергается Альбовым как абсолютно неприемлемое, требующее коренной переделки. Почерпнув понятие об индивидуальности, разноречивости характера человека из роста самосознания своей эпохи, разрабатывая его в формах психологизма Достоевского, Альбов утверждает корни самой индивидуальности - жизнь, действительность как таковую. Он стремится исходить из тех ценностных позиций и способов деятельности, которые присущи ей органически, а не из критериев должного и идеального, ибо не замечаемая другими обыденность под его пером обнажает свою сердцевину - простые, чисто человеческие связи, отношения, чувства. Эта позиция писателя в какой-то мере была отступлением от боевых, революционно-демократических идей шестидесятников (литература - "учебник жизни"), но она отражала закономерную тенденцию литературного процесса, преемственно связанную с ними, а в перспективе ведущую к воплощению в искусстве самодеятельности широких демократических масс и преобразованию самого метода реализма.

Во втором параграфе "Повесть о бедном чиновнике" в творчестве М.Н.Альбова ("Пшеницыны")" производится анализ произведения писателя 1873 года "Пшеницыны", с которого он сам начинал официальный отсчет своей писательской биографии.

В центре внимания автора находится пробуждение самосознания в человеке-"автомате", толчком к которому становится служебная катастрофа героя. Однако конфликт произведения строится уже на столкновении персонажа не с некоей безличной темной силой, как было у раннего Достоевского (мнение В.Я.Кирпотина) или самого Альбова в 1860-е годы, но с бюрократическим строем российского государства, представленным как в образе самого города, так и в фигурах высокопоставленных канцелярских лиц. Внутренним сюжетообразующим принципом Альбова становится движение Пшеницина от застоя и автоматизма, характеризующих его как объект внешних манипуляций, к изменениям поведения и "образа-я" героя, изображаемых в эпизодах повести, параллельных сюжетным ситуациям "Бедных людей" Ф.М.Достоевского.

В повести Альбова сплетается идущее от литературы 60-х годов стремление рационально объяснить, растолковать читателю свой взгляд на становление человеческого характера, проанализировать разные составляющие того, что зовется личностью, с почерпнутым у Достоевского и Буткова нежеланием видеть в человеке простой результат взаимодействия его "природы" с обстоятельствами среды, условиями жизни. Непостижимость и глубина внутреннего мира "маленького человека" декларируется в конце произведения, и самоубийство Пшеницына расценивается автором (в отличие от "Истории господина Пшеницына" в повести Н.П.Буткова 1848 года "Темный человек) как проявление свободного духа, как протест чиновника против заданности его судьбы и личности внешними детерминантами.

Вместе с тем, изображая разложение патриархально-мещанских, идиллических "устоев" (одна из ведущих тем демократической лите-

ратуры 60–70-х годов) на примере быта городского чиновничества. Альбов пытается рассмотреть сам быт "маленького человека" с позиции отражения в нем извечных начал бытия: любви, счастья, рождения и смерти. Именно эти универсальные ценности связывают у него человеческие будни в единую, нерасторжимую цепь внутренне-духовной и одновременно бытовой жизни человека. Отсюда вырастает просветленный взгляд писателя на "мещанскую" действительность, составляющий своеобразие почти всех его произведений и приведший к созданию романной эпопеи "День да ночь" (1886–1903).

Во второй главе "Проблема молодого современника в творчестве М.Н.Альбова 1870–1880 годов" произведения Альбова конца 70–80-х годов, представляющие весьма значительное звено в его творческой эволюции, исследуются в аспекте проблемы молодого героя, центральной для литературы этого времени.

В первом параграфе "Поиск пути. Герой и автор (незаконченные произведения Альбова 1870 годов)" в тесной связи с произведениями В.М.Гаршина, В.Г.Короленко, А.О.Новодворского-Осиповича анализируются отрывки Альбова середины 70-х годов: первый акт драмы "Простая душа" (архив Ф.Ф.Фиддера, РО ИРЛИ, 1875), "Городское происшествие. Начало ненаписанного романа" (1875) и "Осенним вечером. Отрывки из жизни одного кружка петербургской богемы"(1876), позднее изданные автором в собрании сочинений. Они вписываются в "историю молодого человека 19 столетия" в том ее варианте, который являет собой литература семидесятников, позволяют судить о характере мировоззрения Альбова в 70-е годы.

В этот бурный период истории России, когда пришли в движение широкие слои молодежи, перед М.Н.Альбовым встает проблема выбора своего пути: как в собственной жизни, так и в биографиях литературных героев. Высказав в отрывке "Осенним вечером" скептическое отношение к некоторым настроениям и кружкам молодежи конца 60 – начала 70-х годов, писатель сам не был в стороне от нравственных, "душевных сотрясений" (В.Г.Короленко) русского интеллигента-семидесятника, примеривал к себе и к персонажам незаконченных произведений определенные идеи и формы деятельности молодого поколения. Из пафоса движения семидесятников вливается в его героя идея действенной активности, необходимости инициативной энергии в борьбе за утверждение своей личности. Однако от полной пассивности и инертности в столкновении с жизнью (студент Гребцов в "Простой душе") молодой герой Альбова идет не к революционному действию, но

к попытке осмысления своего места и своего возможного участия в событиях времени, пробует себя в деятельности "брата милосердия" на русско-турецкой войне. В этом плане персонаж Альбова оказывается наиболее близок героям рассказов В.М.Гаршина, хотя далеко не идентичен им. К такому выводу приводит сопоставительный анализ автобиографического очерка Альбова "В тылу армии. Из воспоминаний "брата милосердия" (1878) и военных рассказов Гаршина конца 70 – начала 80 годов.

Внутренним двигателем авторского сознания в решении судеб героев, внешним оценочным критерием их поступков является для Альбова чувство вины и личной ответственности за все, совершающееся в мире. На первый план выдвигается совестливость – отличительное качество русской литературы и русского национального характера, в 70-е годы бывшее непосредственным мотивом практической жизни передовой молодежи. Своеобразие альбовских повестей о молодом современнике состояло в том, что мучившая многих семидесятников проблема диалектического совмещения личностного чувства с сознанием необходимости влиться в общую массу, разделить участь "всех утопающих" (А.О.Новодворский) даже путем отказа от собственной индивидуальности – воспринималась писателем особенно болезненно, через раны сердца, и обретала характер объективной антиномичности. С наибольшей полнотой причастность Альбова к настроениям и идеям семидесятничества отразилась в повести 1879 года "День итога", где оригинальное воплощение получила актуальная для молодого поколения дихотомия "общего" и "частного".

Второй параграф "День итога" в литературном сознании современников. "Мечтательство" – "подполье" – "двойничество" посвящен анализу одного из самых известных произведений Альбова, благодаря которому за писателем на долгое время закрепилась "слава" ученика, последователя, а то и прямого эпигона Ф.М.Достоевского (повесть имела подзаголовки "Великой тени Достоевского. Психиатрический этюд"). Проблему "Альбов и Достоевский", поставленную критикой тех лет, пытаются решить А.Э.Якунина, Л.П.Корчагина, Е.Я.Лидубная [1], однако, изъятое из контекста идейных брожений времени,

[1] Якунина А.Э. Ф.М.Достоевский и русское литературное движение 80-х годов XIX века: Дис... канд. филол. наук. М., 1982; Корчагина Л.П. Романическая трилогия М.Н.Альбова и общественно-лите-

произведение получает у них одностороннее, а порой и неверное истолкование.

В "Дне итога" ощущается непосредственная ориентация на тип психологического романа Ф.М.Достоевского. Из "Преступления и наказания", "Записок из подполья" заимствуются многие сюжетно-фабульные ситуации, но в системе целостного произведения Альбова они предстают в преображенном виде, выполняют свои идейно-эстетические функции. Писатель проводит героя повести – студента-разночинца Петра Глазкова – через этапы постепенной деградации личности, которые, пользуясь понятиями, закрепившимися в литературе о феноменах личности, изображенных Достоевским, можно обозначить как "мечтательство" – "подполье" – "двойничество". Образ "канонического" "мечтателя" Достоевского осложнен у Альбова коренящимся в душе Глазкова "червячком" рефлексии, гипертрофированно развитого самосознания, не позволяющим ему ни полностью замкнуться в призрачных грезах, ни удовлетвориться "мещанским счастьем" с любимой девушкой. Двойственность и противоречивость сопровождают героя всю жизнь. Разлом проходит не просто между "сознанием" и "натурой", как в типическом герое русского психологического романа, но через ценностную сферу личности, через его "я-образ". Конструирование идеального "я", гордо возвышающегося над людьми, сталкивается с "я" реальным, мелочно самолюбивым, понимающим свою посредственность и ущербность, а также с подсознательным представлением о себе как о существе нравственном, способном искренне любить и верить. Заглушая живые человеческие чувства, Глазков сознательно отказывается от мира людей, уходит в фарменное "подполье". Но, будучи сходен с "парадоксалистом" Достоевского по многим психологическим качествам личности, герой Альбова по своей направленности сближается с Родионом Раскольниковым, ибо тоже является носителем некоей "идеи" – противоречивого сплава смысловых ценностей героя "Преступления и наказания", Ипполита Терентьева и Кириллова.

Теория Глазкова состоит в доходящем "до последней стены"

ратурное движение конца XIX – начала XX века: Дис... канд. филол. наук. М., 1985; Подлубная Е.Я. Творчество И.Н.Потапенко и основные закономерности "массовой" литературы конца XIX века: Дис... канд. филол. наук. М., 1979.

восстании против законов природы, общества и мира в целом, которое он пытается осуществить путем самоуничтожения, преисполненного блаженным поклонением собственному ничтожеству, наслаждением самым презренным и низменным в себе. Раздвоенность личности героя в повести демонстрируется наглядно, путем введения образа "двойника". Он является усилителем патологического смещения "разорванного" сознания Глазкова, воплощает жестокую силу его мысли, и в то же время персонифицирует громадную и загадочную власть природы над людьми, объективные законы мира.

На протяжении повести автор, будучи несомненно не на стороне Глазкова в истории его отношений с бедной швеей Катей Ершовой, тем не менее, глубоко сочувствовал ему в мучительности и напряженности его душевных терзаний. Основываясь на письмах Альбова и отзывах современников, можно говорить об "автопсихологизации" повествования в "Дне итога": "оргии самоистязания" Глазкова были присущи его создателю. Именно болезненность и "разорванность" сознания самого автора позволили ему порой прямо вливаться в своего героя, создавая ту напряженность, страстность сопереживания и сочувствия, которые были сродни психологизму Достоевского. Однако, сострадая герою, автор не может простить ему уничтожения в себе живого нравственного чувства, ибо единственное спасение людей во враждебном мире – нити добра и духовного единения. Насколько интересен для автора сам процесс выращивания героем "теории", настолько же абсурдным и почти смешным представляются финал его жизни и метафизического восстания. Поэтому подзаголовок повести ("Психиатрический этюд") следует отнести не к манере Достоевского, не к его мотивам и образам, которыми воспользовался Альбов (как полагали критики), но к изображаемому типу героя. Повесть можно считать своеобразным художественным экспериментом, доводящим до логического конца пагубный путь отторгающегося от мира самовлюбленного разночинца.

Это объясняет тот восторг, который вызвало произведение Альбова в среде молодежи. Для одних значимыми были обличительные тенденции повести (как для редакции "Слова", где печатался Альбов), для других она отразила настроения времени – "смесь гордыни и презрения к толпе с смиренным самоуничижением, отчаянием сознанием своего бессилия и отвращением к жизни..." (Ф.Е.Ермилов, 1911).

Мотив "мировой скорби", популярный среди определенной части

молодого поколения конца 70 – начала 80 годов, сближает повесть Альбова с произведениями далекого от него по теоретико-идейным позициям В.В.Берви-Флеровского, В.М.Гаршина. Само же восстание героя Альбова против "стены", против обреченности своего индивидуального существования было характерным явлением в духовной жизни российской интеллигенции второй половины XIX века, относится к числу "вечных тем" русской литературы. В 1870-е годы над этой проблемой размышляли герои Л.Н.Толстого (К.Левин), В.М.Гаршина; бунтовал против основ мироздания фактический "современник" альбовского Глазкова Иван Карамазов.

По этим соображениям "День итога" Альбова нельзя считать простым эпигонством, подражанием Достоевскому. Заимствуя многое из его произведений, писатель решал свою идейно-художественную задачу, актуальную для поколения 70-х годов. "Полифонизм" Достоевского обретал в художественной системе Альбова форму классического монологического романа, а потому может быть условно назван тем, что М.М.Бахтин определял понятием "достоевщина". Но – "достоевщины" талантливой, сознательно построяемой, отвечающей авторскому замыслу и связанной с действительным преклонением Альбова перед своим учителем.

В третьем параграфе "Гамлетизм молодого героя И.Н.Альбова в произведениях писателя 1880-х годов" рассматриваются две повести Альбова: "В потемках" (1886) и "О том, как горели дрова" (1887). В них героя получили наиболее отчетливое выражение гамлетические настроения периода 80-х годов.

Гамлетический характер имеют мучительные колебания Алексея Ивановича из незаконченной повести Альбова "В потемках" перед решающим действием – актом революционера-террориста (о чем можно судить по конкретным реалиям произведения), но его гамлетизм обусловлен не огромностью задачи, взятой на себя, не стремлением сохранить свободу личности в процессе движения истории (гамлетовский "сверхтип"), а скорее индивидуальной слабостью натуры. Как и Глазкову, ему присущи некоторые черты гамлетиста в традиции понимания его И.С.Тургеневым, которые у Альбова окрашиваются в тона гротеска Достоевского и уходят далеко за пределы тургеневской "норы" в описании душевной сумятицы героя. В этом плане творчество Альбова оказывается весьма показательным для прослеживания модификаций русского реализма последней трети XIX века. Не отказыва-

лась от опоры на свойственные Достоевскому особенности психологизма, отвечающие природе таланта и личности самого Альбова, созвучные духовной атмосфере 70-80-х годов, писатель одновременно впитывает в себя иную традицию построения образа-характера и конфликта в русской литературе, связанную с творчеством Тургенева, ибо само развитие общественно-литературного сознания уже не противопоставляет, но сдвигает границы творческого метода этих художников.

Однако если Нежданов – гамлетический герой Тургенева 70-х годов был нетипичен для изображения реального движения семидесятников (И.Н.Сухих), то в 80-е годы "природная" раздвоенность персонажа Альбова оказывается эквивалентна состоянию духа обычного российского интеллигента, когда гамлетизм стал объективно обусловленным сложностью исторической эпохи знамением времени. Алексеем Ивановичем движет, по сути дела, отчаяние: его предполагаемый поступок – последний шанс утвердить себя в жизни. В этом отношении он родственен героям Гаршина, в отчаянии обреченности идущим к гибели, но не смиряющимся ни с судьбой, ни с суровым законом истории. Отчаяние было главным в творчестве Шекспира для Достоевского, который саму тему самоубийства связывал с Гамлетом (Ю.Д.Левин). Мотив отчаяния нес на себе отчетливые следы переходности времени интерпретаторов бессмертной трагедии, хаотичности и тревожной неуспокоенности сознания определенных кругов демократической интеллигенции России.

Гамлетические настроения восьмидесятничества не оправдывались, но осуждались Альбовым через образ его героя. Это прослеживается и в повести "О том, как горели дрова", где внешне гамлетизм представляет собой комплекс апатии и тоски, в середине десятилетия сменивших отчаяние и "скорбь за идеал" начала 80-х годов. Но сопоставление повести с произведениями А.П.Чехова ("Иванов", "Огни", Рассказ неизвестного человека") ведет нас к мысли о том, что причину нынешнего разочарованного и пассивного состояния героя автор видит в его оторванности от движения поколения, от общей борьбы. Именно в 80-е годы, когда вопрос о слиянии с общей "массой" решался интеллигенцией на уровне выработки своего отношения к борьбе отчаянных одиночек, Альбов утверждается в идее необходимости влиться в общую борьбу, идти до конца в восстании против почти фатально непобедимого зла. Сам пессимизм Альбова, имеющий не позитивистский (как полагает Л.П.Корчагина), но народ-

нический характер, – пессимизм отрицающий, протестующий, – позволяет поставить Альбова рядом с А.П.Чеховым в аспекте концепции личности, где, несмотря на "природную" противоположность их героев, провозглашается пример активности самого человека.

Поэтому творчество Альбова прямо способствует опровержению традиционного взгляда на литературу восьмидесятников как на мещанскую, пассивную, безгеройную беллетристику, обогащает наше представление об идейном воздействии литературы "молодого поколения" семидесятников на творчество художников последующих десятилетий. Персонаж альбовских повестей конца 70 – 80-х годов является как бы промежуточным звеном между одиноким интеллигентом-народником, принявшим на себя ответственность за судьбу народа, – и тем героем новой эпохи, который, выйдя из гущи самих масс, в них почерпнет силу и энергию для продолжения борьбы. Очистившись в горниле всесокрушающего сомнения и отрицания гамлетизма восьмидесятничества, сохраняющего в глубине своей позитивное ядро, этот новый герой будет воплощен в творчестве А.М.Горького, В.Г.Короленко, писателей-"знаньенцев".

Третья глава "Творчество М.П.Альбова 80-900-х годов и проблемы литературного процесса" посвящена наиболее актуальным и спорным вопросам взаимодействия Альбова с литературным процессом последней трети XIX – начала XX века.

В первом параграфе "Роман воспитания" в творчестве М.П.Альбова и "массовая" литература 1880 годов" анализируется традиционная для мировой литературы модификация "романа воспитания" в повестях Альбова "Воспитание Лельки" (1879-1880) и "Приключение одного скитальца. (Снежок и Картошка)" (1896). В первой из них мы обнаруживаем ориентацию писателя на характер "рано развившегося, болезненного, самолюбивого ребенка" Ф.М.Достоевского (Н.А.Добролюбов), ослабленную и смягченную благодаря восприятию Альбовым сентиментального утопизма Ч.Диккенса. Дилогия "До пристани", часть которой составляла повесть "Воспитание Лельки", представляет своеобразную утопию, авторское предположение о счастье для "униженных и оскорбленных", которое никак не могло "состояться" в романах Достоевского. Реалистическая тенденция "романа воспитания" (развитие человеческого характера) сталкивается здесь с идеологической, внутренне морализаторской установкой автора на отвлеченную декларацию идеи взаимного спасения заблудшей аристократ-

ки и девочки с улицы. Сам пафос произведения Альбова, одобряемый Н.К.Михайловским, А.В.Амфитеатровым и абсолютно не принимаемый Л.Е.Оболенским, был связан с ответом на потребности массовой читательской аудитории 1880-х годов, когда, по утверждениям В.И.Каминского, Е.П.Поддубной, в русской культуре оформляется "массовая" беллетристика буржуазно-мещанского толка.

Далеко не однороден был массовый, средний читатель-разночинец этого периода. Опыт прошедших событий в жизни России не пропал для него даром: он значительно вырос в культурном и социально-политическом отношении, в литературе неизбежно хотел сам делать выводы, избегал дидактики и требовал ответного доверия и демократизации со стороны писателей и критиков. Сознавая, что эпоха героического порыва и наступает затишье, признавая свою неспособность внедрить героическое в повседневную жизнь, читатель-восьмидесятник ждал от искусства ориентации на "массы", но не желал совсем отказываться от героики и романтики идеалов прошлых лет. Для такого читателя, которого назвать простым обывателем и мещанином было бы не вполне заслуженно, писал Альбов; его же точку зрения выражал в своих стихах и рецензиях С.Я.Надсон. Сдвиги в общественном сознании эпохи вызывали изменения самой литературной манеры писателей 80-90-х годов, неоднократно анализируемые в литературоведении ("беспроблемность", отсутствие назидательной мысли автора, фрагментарность, порой – излишняя детализация и т.д.).

Но был и другой "средний" читатель, охарактеризованный в "Очерках русской жизни" Н.В.Шелгунова, – обуржуазившийся, омещанившийся разночинец, жаждущий самооправдания в литературе, изображения ею его высокоморальных добродетелей и сентиментально-благородных порывов. Отчасти на такого читателя рассчитывал И.Н.Потапенко; порой на поводу у него шел К.С.Баранцевич; отсюда же вытекала мелодраматическая окраска историй героинь в дилогии Альбова. Но на примере детской тематики в творчестве Альбова хорошо видно его отличие от основного потока "массовой" беллетристики восьмидесятничества. Жалость Баранцевича по отношению к детям не была свойственной Альбову: в каждом из них он видел прежде всего личность, полностью суверенную и равную по достоинству взрослым людям. В признании права человека на самоуважение и автономность его мира, в нежелании и невозможности подходить к личности любого человека как к объекту пусть благородных и возвышенных забот

Альбов является истинным, внутренним воспреемником Достоевского, что не снимает вопроса о качественном различии их творческих методов.

Во втором параграфе "Подпольный" бунт героя Альбова. Эволюция критического реализма в творчестве писателя" рассматриваются истоки и своеобразие духовно-личностного начала героев Альбова, которое в современной ему критике отождествлялось с возрождением романтизма. В ходе текстуального анализа повести "Конец Неведомой улицы", 1892 и других произведений писателя 80-90-х годов доказывается, что альбовский "романтизм" являлся предтечей обновляющих сдвигов в методе критического реализма рубежа веков. Предшественником горьковских анархических бунтарей против незыблемого порядка жизни был портной Евграмотов; произведение пронизывает предчувствие неизбежного конца неведомых улиц, выводимых из забытья вихрем истории, окрашиваемое пессимистической печалью автора от соприкосновения с поступью "железного века", противостоять которому он бессилен.

"Романтизм" Альбова означал необъяснимость скрытого духовного начала его героев ни влиянием среды, ни природной "натурой". В конце XIX века менялись принципы реалистической типизации характера: утверждалась идея активности самого человека.

С другой стороны, особенностью художественного мышления писателя было стремление к совершенному исключению координаты среды и совмещению индивидуального существования человека с непосредственно-бытийным содержанием самой жизни. В произведениях Альбова быт внедрялся в бытие, перекрещивались обыденное сознание героев и мысль общефилософского, мировоззренческого порядка, что являлось характерным процессом в духовном сознании эпохи конца XIX – начала XX века. Именно в 70, 80, 90-е годы проблемы онтологические через призму ценностного подхода к ним спускаются вниз, становятся предметом мысли рядовых людей. Вопросы связи отдельного индивида с законами мира нашли абстрактное, подчас схематически-логизированное выражение в произведениях писателей-модернистов рубежа веков, почему становится возможным установление типологических связей Альбова с их творчеством.

"Бытие", которому посвящал мысль свою Л.Андреев, стоит за натуралистически точно описанными Альбовым мелкими судьбами несчастных и одиноких людей. Но поднимаясь на бунт против неизбежности

рока, они становятся столь же величественными и необъятными, как уравниваемые с богом герои Андреева.

Страшная пустота и одиночество – постоянный мотив Альбова – окружает новых "маленьких" людей в творчестве Ф.Сологуба, А.Ремизова. Переосмысление идеи Достоевского о праве человека на убийство "вши", осуществляемое Ремизовым в повести 1910 года "Крестовые сестры" (если "благодетелей человечества не дано стать, так хоть бы "вошью" жизнь пожить с часок), было характерно для альбовского Глазкова, для Алексея Ивановича ("О том, как горели дрова"): хотелось быть не зараженным "червячком" рефлексии, жить покойно и гладко. Но от замкнутой в "обездоленном бреду" "переделовщины" героев Альбова спасает все тот же "червячок" – искаженная, изуродованная бытом и "потемками" эпохи жажда духовности.

Таким образом, "подпольный байронизм" Альбова (К.И.Чуковский) – явление глубоко своеобразное и одновременно типическое для литературы конца XIX века, связанное с попыткой синтеза принципа верности действительности с возвышающим ее суровую и неприглядную правду внутренним "символизмом", с одухотворением серой обыденности повседневного существования новым, философским смыслом, извлекаемым из самого течения этой жизни как неостановимого, извечного в истории процесса.

В третьем параграфе "Творчество М.И.Альбова и русский натурализм" в процессе анализа трилогии "День да ночь" и других произведений рассматривается проблема художественного метода писателя, ибо мы не можем согласиться с определением его как разновидности "русского натурализма" (З.И.Каминский, Н.А.Гусев, Л.П.Кормачгина). Трилогия Альбова "День да ночь" отразила тенденции обновления романного жанра, вызванные поисками художника возможности влияния "маленького", среднего человека на объективный ход событий, к которым он в силу исторических сдвигов оказывается несомненно причастным. Это сказалось в сближении эпических средств типизации с очерковыми – в стремлении писателя воссоздать эмпирический ход жизни; в изменении представления о составляющих образа-характера (более сложное построение концепции человеческой личности, равноправным элементом которой становится физическая природа, а социальный момент опосредуется связью с бытовой жизнью человека). Происходит "автопсихологизация" романов: активный авторский голос внедряется не просто в ход повествования, но в сам эмоциональный тон историй жизни героев, создает их лирическую насыщенность, меняет даже ритм альбовской прозы; романное время сбли-